

УДК 343.265(510)

DOI 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.421-427

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: apskiba@mail.ru;

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: alex27-m@mail.ru;

МАКСАРА ЮРЬЕВНА ДОНДОВА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры китайского, вьетнамского,
бирманского, тайского языков,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: maksara508@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ И ИНЫЕ ВОПРОСЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ КИТАЯ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С НЕКОТОРЫМИ НОРМАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ)

Для цитирования

Скиба, А. П. Ответственность за незаконное принятие решения и иные вопросы условно-досрочного освобождения по Уголовному кодексу Китая (сравнительный анализ с некоторыми нормами законодательства России) / А. П. Скиба, А. Н. Мяханова, М. Ю. Дондова // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15(1–4), № 4. – С. 421–427. – DOI : 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.421-427.

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ различных аспектов применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания по уголовному законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Приводятся позиции высших судебных органов указанных стран (с переводом одного из соавторов статьи с китайского языка на русский с учетом

© Скиба А. П., Мяханова А. Н., Дондова М. Ю., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

российской терминологии) по данному вопросу. Выявлен ряд отличий правового регулирования в части критериев принятия решения об условно-досрочном освобождении, составления и рассмотрения соответствующих документов для направления в суд, постпенитенциарного контроля за освобожденными лицами. Отдельно изучен вопрос об уголовной ответственности за незаконное условно-досрочное освобождение осужденного по Уголовному кодексу Китая (подобная специальная норма в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует). Сделан вывод об актуальности дальнейшего проведения сравнительно-правового анализа уголовного законодательства Китайской Народной Республики и Российской Федерации, а также судебной практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: уголовное законодательство Китая, критерии условно-досрочного освобождения, уголовная ответственность за незаконное условно-досрочное освобождение.

Одним из основных направлений современной уголовной политики Российской Федерации является снижение числа осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе путем расширения их условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. С учетом того что в последние годы большой интерес представляют общественные процессы, происходящие в Китайской Народной Республике, актуален анализ отдельных норм уголовного законодательства и судебной практики этой страны в части применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Рассматриваемый институт закреплен в уголовном законодательстве обеих стран.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является одним из видов досрочного освобождения от отбывания наказания. Российский законодатель в ст. 79 и 93 УК РФ определил такие вопросы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (не всегда удачно и исчерпывающе, по мнению некоторых исследователей [1, с. 116–144; 2, с. 183–185; 3, с. 14–17; 4; 5, с. 40–46]), как критерии его применения, участники принятия соответствующего решения, последствия освобождения лица и пр. По общему правилу лицо подлежит условно-досрочному освобождению после фактического отбытия определенной части срока наказания, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, а также возместило причиненный вред (ч. 1 ст. 79 УК РФ).

К недостаткам регулирования условно-досрочного освобождения по российскому уголовному законодательству относятся следующие:

– критерии такого освобождения определены нечетко (в законодательстве использованы такие формулировки, как: отсутствие «нужды» в полном отбывании лицом наказания; его поведение; полное или частичное возмещение причиненного вреда; отношение к учебе и труду; имеющиеся поощрения и взыскания и пр.). В результате неясно, законно ли условно-досрочно освобождать осужденного, например, при одновременном наличии взысканий и поощрений, нахождении на обычных условиях содержания, не привлекающегося к труду, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера и т. п.;

– этот вид освобождения основан только на факте исправления осужденного и не направлен на предупреждение совершения им новых преступлений;

– не предусмотрен орган, осуществляющий контроль за поведением лиц, освобожденных из исправительных учреждений и т. д.

Указанные выше и иные вопросы не позволяют унифицировать практику условно-досрочного освобождения осужденных в России. Кроме того, это препятствует достижению целей уголовно-исполнительного законодательства – исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений [ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)], в том числе после освобождения из соответствующего учреждения в период неотбытой части срока наказания.

Несмотря на разъяснения, данные пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», ряд вопросов не только остались неразрешенными, но и привели к дополнительному субъективизму в принятии судом соответствующего решения. В частности, судам рекомендовано не отказывать в условно-досрочном освобождении осужденного при наличии прежней судимости, мягкости назначенного наказания, не признании осужденным вины или основываясь на характере и степени общественной опасности совершенного преступления (п. 6), наличие взысканий не свидетельствует о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании наказания (п. 6) и т. д.

В этом случае очевидно, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, обладающий определенным уровнем коррупциогенности, требует совершенствования, в том числе путем корректировки УК РФ.

Данный вид досрочного освобождения от отбывания наказания в Уголовном кодексе Китайской Народной Республики (УК КНР) [6, с. 61–67; 7, с. 250–252; 8, с. 93–99] регулируется в § 7 «Условно-досрочное освобождение» в ст. 81–86 (здесь и далее приведен перевод одного из соавторов статьи с китайского языка на русский с учетом российской терминологии, который в дальнейшем может корректироваться).

Анализ соответствующих норм уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что институт условно-досрочного освобождения в Китае и России имеет отличия.

По уголовному законодательству Китая, если осужденный к срочному лишению свободы отбыл половину и более срока наказания, а осужденный к бессрочному лишению свободы – 10 и более лет наказания и при этом проявил раскаяние и исправился, он может быть условно освобожден от отбывания наказания в случае, когда такое освобождение не представляет опасности для общества (то есть фактически когда есть предположение, что он не совершит нового преступления). При наличии особых обстоятельств с разрешения Верховного народного суда КНР такое освобождение может применяться и ранее указанных сроков. К осужденным-рецидивистам, а также осужденным за преступления, приведшие к смерти людей, взрыву, ограблению, изнасилованию, похищению людей и др., условно-досрочное освобождение не применяется (ст. 81 УК КНР).

После подачи органами исполнения наказания в Китае соответствующего представления суд с участием народных заседателей проводит заседание, в котором по результатам установления реального раскаяния или заслуг осужденного выносит определение об условно-досрочном освобождении (ст. 82 УК КНР).

В отличие от Китая, в России порядок подачи и рассмотрения материалов для принятия решения об условно-досрочном освобождении закреплен в ст. 175 УИК РФ и ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ): соответствующее ходатайство в суд подает осужденный, в судебном заседании участие народ-

ных заседателей не предусмотрено, и судья принимает решение единолично с учетом представленных материалов и высказанных мнений участников (прокурора, представителя учреждения, исполняющего наказание, и др.) и т. п.

Кроме того, в отличие от российского уголовного законодательства, в УК КНР (ст. 84) предусмотрены ограничения, которые должно соблюдать лицо, условно-досрочно освобожденное.

При этом, в отличие от ст. 79 УК РФ, в ст. 85 УК КНР закреплено, что контроль за лицом, условно-досрочно освобожденным, во время испытательного срока возложен на органы общественной безопасности.

В Китае, как и в России, предусмотрена отмена условно-досрочного освобождения, если условно-досрочно освобожденный совершит новое преступление (ст. 86 УК КНР).

Если условно-досрочно освобожденный во время испытательного срока нарушит закон, административные правила или правила органа общественной безопасности Госсовета КНР относительно постепенного надзора, условно-досрочное освобождение аннулируется, а лицо возвращается обратно в места лишения свободы. В России в связи с отсутствием единого контролирующего органа за поведением таких лиц обращение в суд для отмены условно-досрочного освобождения по указанным основаниям может быть затруднено.

Важное значение имеет позиция судебных органов, принимающих решение об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Так, Верховный народный суд КНР в своих пояснениях «О применении законодательства о сокращении сроков наказания и условно-досрочном освобождении» от 14 ноября 2016 г. (далее – Пояснения) также попытался конкретизировать положения уголовного закона: для принятия решения об условно-досрочном освобождении целесообразно учитывать характер преступления, размер оплаты штрафа и иных выплат, степень вреда, причиненного преступлением, и др. (п. 2); под раскаянием понимается, помимо прочего, полное признание осужденным своей вины (п. 3) и т. п.

При этом УК КНР не является единственным источником уголовного права, и наряду с ним применяются судебные разъяснения, изданные Верховным народным судом Китая и др. [9, с. 118–120].

Так, в соответствии с указанными Пояснениями «искренним раскаянием» (确有悔改表现) можно считать:

- полное признание вины;
- соблюдение всех законов, правил и распорядка учреждения;
- активное участие в работе, усердное исполнение трудовых обязанностей и др.

Вместе с тем понятие «искреннее раскаяние» не применяется в отношении осужденных за должностные преступления, организацию, участие или содействие преступлениям организованной преступной группы, а также если лицо получило право на условно-досрочное освобождение преднамеренно, используя такие незаконные способы, как личное и общественное влияние (服刑期间利用个人影响力和社会关系等不正当手段意图获得减刑、假释的).

Вместе с тем искренним раскаянием можно считать следующие действия осужденного:

- воспрепятствование другим в совершении преступных деяний;
- технологические инновации в производстве, научных исследованиях и др.

Подобную практику можно распространить и на нашу страну. Например, в России в 2020 г. суд условно-досрочно освободил сотрудника ЦНИ института машиностроения

Л., осужденного за государственную измену за передачу за рубеж информации, составляющей государственную тайну (он отправил гражданину КНР демоверсию программного комплекса, позволяющего рассчитывать аэродинамические характеристики гиперзвуковых летательных аппаратов. – *Прим. авт.*). Между тем в Китае условно-досрочное освобождение такого лица было бы маловероятным (<https://pravo.ru/news/222835/>).

Приведем еще ряд оригинальных подходов к рассматриваемому институту в Китае:

– в указанных Пояснениях рекомендовано обращать внимание на то, что условно-досрочное освобождение может применяться в случае, когда «нет опасности рецидива», путем анализа конкретных обстоятельств преступления, установления наличия постпенитенциарного сопровождения и пр. (например, осужденных, не достигших возраста 18 лет, и инвалидов должны освобождать условно-досрочно в первую очередь);

– в отличие от России, в Китае при возможности освобождения из исправительных учреждений по другим основаниям приоритет все же отдается условно-досрочному освобождению;

– в Китае не подлежат освобождению лица, не выполняющие обязательства по возмещению ущерба (в нашей стране возмещение ущерба, причиненного преступлением, является лишь одним из критериев условно-досрочного освобождения, оцениваемого в совокупности с другими обстоятельствами);

– лица, которым отменено условно-досрочное освобождение, обычно не могут повторно претендовать на такое освобождение (в отличие от России), кроме случаев, когда такое лицо заявило о преступлении или подало явку с повинной.

Таким образом, положительным в китайском законодательстве является направленность условно-досрочного освобождения на предупреждение совершения новых преступлений и ряд иных вопросов [10, с. 26–30].

В последнее время Россия активно пытается выстроить систему противодействия коррупции, в том числе совершенствуя нормативную правовую базу. Связано это и с тем, что с 2007 г. для России вступила в силу Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 1999 г. Статья 12 данной Конвенции была внесена в УК РФ практически в точном соответствии с оригиналом [11, с. 165–166].

Ввиду этого очевидно, что эффективная борьба с коррупцией средствами уголовного закона предполагает, во-первых, высокое качество уголовно-правовых норм, направленных на противодействие коррупции, а во-вторых, отсутствие коррупциогенности в самом уголовном законе [12, с. 118].

Имеющиеся коррупционные проявления при решении вопросов об условно-досрочном освобождении свидетельствуют о том, что размер незаконных вознаграждений соответствующим участникам в целом увеличивается. Если до 2008 г. условно-досрочно освобождалось более половины от всех выходящих на свободу из мест лишения свободы и средний размер взятки мог быть несколько десятков тысяч рублей, то в последнее время имеют место примеры, когда фигурируют суммы, исчисляемые миллионами (https://pravo.ru/arbitr_practice/courts/1475/).

Несколько слов об уголовной ответственности за незаконное условно-досрочное освобождение осужденного. Подобной специальной нормы в УК РФ нет. В то же время иная ситуация в китайском уголовном законодательстве.

В юридической литературе говорится о том, что все должностные преступления объединены в гл. 9 УК КНР, среди которых имеют место специальные виды преступных посягательств на интересы государственной службы, в том числе незаконное смягчение

наказания, применение условно-досрочного освобождения из заключения или отсрочки исполнения приговора сотрудниками органов юстиции (ст. 401 УК КНР).

Согласно указанной норме уголовного законодательства Китая сотрудники органов юстиции (к ним относятся (ст. 94 УК КНР) лица, выполняющие служебные обязанности в качестве следователей, прокуроров, судей и пр.), незаконно условно-досрочно освободившие из корыстных побуждений, наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом, а при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от 3 до 7 лет.

Приведем пример 2020 г. по рассматриваемому вопросу в отношении Го Вэнси (http://www.xinhuanet.com/legal/2020-09/15/c_1126493818.htm). Он был в 2005 г. осужден к пожизненному заключению за избиение до смерти (затем приговор был изменен 9 раз). В итоге он освобожден условно-досрочно в 2019 г. В результате по итогам проверки за незаконное досрочное освобождение Го Вэнси при наличии незаконного вознаграждения ряд членов партии и должностных лиц (пенитенциарного учреждения, прокуратуры и пр.) были исключены из партии и уволены с государственной службы, а в их отношении материалы были переданы в прокуратуру для уголовного преследования.

Представляется, что выделение условно-досрочного освобождения в отдельную норму в уголовном законодательстве логично, так как оно подразумевает определенное усмотрение соответствующих должностных лиц, что образует коррупционные риски, требующие, помимо прочего, своего уголовно-правового реагирования. К сожалению, подобной нормы нет в УК РФ, и в случае возникновения фактов о незаконном условно-досрочном освобождении осужденного соответствующие должностные лица привлекаются к ответственности за получение взятки и иные преступления коррупционного характера.

Таким образом, очевидна актуальность дальнейшего проведения сравнительно-правового анализа уголовного законодательства Китая и России, а также судебной практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Библиографический список

1. Грачева Ю. В. Проблемы судейского усмотрения в применении условно-досрочного освобождения // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 116–144.
2. Давыдова И. А., Коробова И. Н. Некоторые проблемы института условно-досрочного освобождения, связанные с оценкой степени исправления осужденных // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12(79). С. 183–185.
3. Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 14–17.
4. Коллизии законодательства России (краткий научный комментарий): монография / А. П. Скиба [и др.]; под ред. А. А. Крымова. 2-е изд., испр. и доп. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. 206 с.
5. Мяханова А. Н. Некоторые проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 1(52). С. 40–46.
6. Пан Дунмэй. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 8)» // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2. С. 61–67.

7. Эрхитуева Т. И., Мяханова А. Н. Некоторые аспекты институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения по Уголовному кодексу Российской Федерации и Уголовному кодексу Китайской Народной Республики // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 3 : Материалы Международной научно-практической конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования». С. 250–252.

8. Скиба А. П., Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ Уголовного кодекса Китайской Народной Республики и Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4. С. 93–99.

9. Хуан Даосю. Некоторые острые вопросы относительно сущности уголовного права и конституционных основ уголовного права КНР. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2007. С. 118–120.

10. Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. О некоторых аспектах условно-досрочного освобождения в постановлении пленума Верховного Суда РФ и пояснении Верховного Народного Суда КНР : сравнительно-правовой анализ // Российский судья. 2020. № 9. С. 26–30.

11. Россия и Совет Европы. История, современность и перспективы взаимодействия правовых систем : науч.-практ. пособие / отв. ред. П. С. Барышников, К. А. Цай ; науч. ред. Е. С. Шугрина. М. : Проспект, 2016. 320 с.

12. Раог А. И. Борьба с коррупцией и качество уголовного закона // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов Первой Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М. : РАП, 2014. С. 115–122.